

Глава 66. Произведение. Тени сгущаются

В команде сценаристов вообще не было никаких противоборствующих фракций. От начала и до конца всё вертелось вокруг единоличной власти Фан Божэня.

А пресловутое соперничество между сценаристами, возможно, было всего лишь игрой на публику.

Синь Синь был уверен, что приоткрыл ещё один слой завесы тайны над перипетиями их отношений, но всё ещё не понимал, какую практическую пользу это может принести.

Отложив в сторону ноутбук У Хуая, Синь Синь схватил схему, которую они набросали вместе с Ю Ю, и, вооружившись ручкой, принялся за дополнения.

Карта отношений снова требовала обновления.

В центре схемы находился Фан Божэнь. Шэнь Цинцюань — его законная жена, У Хуай — его любовник. Именно их, Фан Божэня и У Хуая, они с Ю Ю в тот день и застукали, прячась в шкафу. Шэнь Цинцюань была прекрасно осведомлена об этом. Отношения полов в шоу-бизнесе нельзя мерить линейкой обычной морали, а показания и поведение Ван Тао лишь косвенно подтверждали эту мысль.

Синь Синь поставил вопросительный знак возле имени Чу Си.

То, что Чу Си вообще попала в команду сценаристов, все приписывали связям Ван Тао. Сам Ван Тао утверждал, что просто помогает старому приятелю. Вот только был ли этот приятель Фан Божэнем — вопрос открытый. Однако, судя по тому снимку, что сделал У Хуай, Синь Синь был почти уверен, что Фан Божэнь как минимум положил на неё глаз.

Значит ли это, что Шэнь Цинцюань может ненавидеть У Хуая, Чу Си и самого Фан Божэня?

Синь Синь добавил ещё один вопросительный знак возле имени Шэнь Цинцюань.

Если в основе всего лежит любовный многоугольник с Фан Божэнем в центре, и если Шэнь Цинцюань жаждет мести, то все его любовники, да и он сам, оказываются в смертельной опасности. Чтобы вырезать такую ораву за раз, убийце было просто необходимо изолировать всех на этом острове — логика железная.

Тут Синь Синь вдруг вспомнил о Тан Кэ. Он провёл от имени Фан Божэня в центре ещё одну линию и вписал имя Тан Кэ.

Показания Ван Тао и менеджера недвусмысленно намекали, что Фан Божэнь приложил немалые усилия, чтобы протащить Тан Кэ на роль главной героини. Лю Чжэнсян, конечно, клялся, что между ними ничего нет, но ведь этот тип начал врать ещё с самого начала, так что верить ему не стоило. А учитывая, что Фан Божэнь не разборчив в полах, полностью исключить интимную связь между ним и Тан Кэ было просто невозможно.

Кончик ручки замер над бумагой. В голове у Синь Синя стоял гул. Они с Ю Ю всегда считали, что Тан Кэ, как и Тянь Мин, погибла просто по нелепой случайности, и убийца убрал её, чтобы не сбился его изначальный план.

Но теперь, если эта цепочка рассуждений верна...

А ведь по сценарию на следующий день как раз предполагалась сцена, где Тан Кэ должна была принять лекарство. Возможно, убийца почерпнул вдохновение именно оттуда. Выходит, Тан Кэ с самого начала была в списке намеченных жертв...

На лбу и висках выступил холодный пот. С пляжа доносился неумолкающий гул — люди кричали в приступе гнева и ужаса, и этот шум волнами накатывал на виллу. Рука Синь Синя, сжимающая ручку, предательски дрожала.

Спустя мгновение Синь Синь глубоко вдохнул, выравнивая дыхание, и, заставив себя собраться, вписал имя Е Сюаньфэна рядом с именем У Хуая.

Вне всяких сомнений, У Хуай и Фан Божэнь продолжали тайно встречаться.

В висках пульсировало. Мозг Синь Синя работал на пределе, в напряжённом и слегка лихорадочном состоянии, выплёскивая на поверхность обрывки воспоминаний — моменты, которые тогда казались ему странными, но он не мог понять почему.

Они с Ю Ю намеренно держались при всех излишне близко, так что даже Ван Тао начал строить догадки.

В конце концов, это всего лишь мир задания, и Синь Синю было плевать на чужие домыслы — главное выжить. Поэтому он и не старался ничего скрывать. Да и в шоу-бизнесе подобные отношения, как у них с Ю Ю, давно перестали быть диковинкой.

Вообще-то, первыми, кто застал их держащимися за ручки, были как раз Фан Божэнь и Шэнь Цинцюань. Тогда чета Фан не выказала ни малейшего удивления, держась абсолютно непринуждённо.

Но в тот день — день, когда нашли тело Тан Кэ, — когда они с Ю Ю в очередной раз позволили себе вольности, У Хуай и Фан Божэнь одновременно отвели взгляды.

Можно было бы сказать, что это просто неловкость от того, как чужие люди «светятся от любви». Но можно было трактовать и иначе: как инстинктивное желание отвести взгляд, когда Фан Божэнь и У Хуай увидели отношения, до боли похожие на их собственные.

Об их тайне должны были знать лишь считанные единицы. А что, если Е Сюаньфэн был в курсе?

Ведь когда они с Ю Ю застукали этих двоих, он, помнится, пошутил, что не прочь «присоединиться» к компании.

А что, если для Е Сюаньфэна он тоже был таким вот «присоединившимся» к их интимным играм? В таком случае, отношения между Е Сюаньфэном и Фан Божэнем становились куда более пикантными и запутанными.

Синь Синь окинул взглядом готовую схему, но его не покидало чувство, что чего-то не хватает. Пройдясь глазами по листу, он наконец сообразил и вписал в схему Цзян Чи. Как личный помощник Фан Божэня, тот наверняка знал о его личной жизни всё и даже больше. Поразмыслив, Синь Синь провёл линию между Цзян Чи и Чу Си, подписав:

«Предполагаемая встреча с призраком, покушение на убийство».

Затем он вновь изучил схему и добавил ещё одну черту — между Чу Си и Тан Кэ, подписав:

«Предполагаемые соперницы».

Готово.

Теперь все жертвы и подозреваемые оказались на этом листе.

Синь Синь ещё раз прокрутил в голове все связи и, убедившись, что ничего не упустил, с тяжёлым выдохом откинулся на спинку стула. Взгляд скользнул по именам и замер на том, что было в самом центре.

Фан Божэнь.

*

Когда Синь Синь открыл дверь, на вилле царил настоящий хаос. Труп Е Сюаньфэна, как и

следовало ожидать, поднял невиданную бурю, и половина обитателей уже была на грани безумия.

Если считать вместе с Тянь Мином, то большинство знало, что на этой вилле уже погибли трое.

После стольких смертей было бы странно, если бы они не начали сходиться с ума.

Синь Синь мысленно усмехнулся: если бы они ещё узнали, что Е Сюаньфэн успел восстать из мёртвых, тут бы точно все рехнулись.

Вдоволь накричавшись, толпа всё же взяла себя в руки. Все решили, что Ван Тао наверняка знает о каких-то тёмных делишках, и им очень хотелось ворваться к нему и потребовать объяснений. Но дверь на пятый этаж была наглухо заперта, и пробиться сквозь неё не представлялось возможным.

Ло Цзянь, старший по реквизиту среди рабочих, взявший на себя роль временного лидера съёмочной группы, озвучил новую стратегию: забаррикадировать дверь на пятый этаж. Раз не открывают — значит, пусть сидят взаперти. А когда придёт катер с припасами, вот тогда и посмотрим, кто кого будет умолять. Предложение было единогласно одобрено и встречено одобрительными возгласами.

Затерявшись в толпе, Синь Синь слушал это с отвисшей челюстью. Всего за одно утро съёмочная группа умудрилась совершить революцию: свергнуть «феодалный деспотизм» и торжественно провозгласить «народную демократию».

Будучи открытым прихвостнем бывшего «императора», Синь Синь незаметно юркнул из задних рядов толпы. Он бросил взгляд на труп, накрытый белой простынёй в бассейне неподалёку, а затем поднял голову, вглядываясь на верхний этаж виллы.

Интересно, что сейчас творится у Ю Ю.

На острове нет связи, и поговорить на расстоянии совершенно не получится.

Остается только ждать.

Ждать, пока Ю Ю продвинется в расследовании, и ждать наступления ночи.

Синь Синь ещё раз посмотрел в сторону белой простыни, опустил голову и вернулся на виллу.

Запасов еды и воды в номере хватало, чтобы Синь Синь мог отсиживаться здесь, не высывая носа. Подкрепляясь, он продолжил копаться в ноутбуке У Хуая и обнаружил, что, помимо сценария «Произведения», в остальных его работах тоже видны правки «Тянь Цана».

Отношение У Хуая к Тянь Цану от начала и до конца было предельно почтительным.

Неужели этот Тянь Цан — аккаунт Фан Божэня? Или Шэнь Цинцюань?

Каков же на самом деле внутренний мир Шэнь Цинцюань в этих извращенных отношениях?

Если Тянь Цан — это аккаунт Шэнь Цинцюань, то это вполне объясняет, почему в переписке У Хуая с этим аккаунтом сквозит исключительно деловой тон, словно между начальником и подчинённым.

Тогда, если бы Шэнь Цинцюань позвала У Хуая на пятый этаж для беседы, он, несомненно, отнёсся бы к этому со всем возможным вниманием.

Но ведь Е Сюаньфэна убил мужчина...

Неужели они действовали в сговоре?

Супруги Шэнь Цинцюань и Фан Божэнь убивали вместе?!

Но зачем?

Неужели их, как и Цао Чжэнь в прошлом мире, кто-то шантажировал?

В таких многоугольных отношениях достаточно один раз оставить фото- или видеокompromat, и это станет убойным козырем. В шоу-бизнесе бывали и не такие скандалы...

Синь Синь строил самые смелые догадки, старательно просматривая всё, что было в ноутбуке У Хуая, пока батарея устройства окончательно не села. Фотография, которую он оставил в центре экрана, с тихим щелчком погасла, утонув во мраке.

Синь Синь поднял голову — снаружи наконец стемнело.

*

Днём на вилле кипели страсти, царили хаос и смута, но с наступлением ночи люди снова покорились неизвестности и мраку. Как и прежде, они предпочли отсиживаться в своих комнатах, и вилла наконец погрузилась в тишину.

В мертвенно-тихой, душное летней ночи Синь Синь стоял в тёмной комнате, глядя в окно, и невольно вздрогнул.

Труп У Хуая лежал прямо в бассейне.

Е Сюаньфэн восстал из мертвых. Неужели У Хуай тоже?

А восставший У Хуай будет способен общаться?

Синь Синь совершенно не понимал правила призраков в этом мире.

Почему Тянь Мин не восстал из мёртвых, а Тан Кэ ограничилась лишь ментальными атаками?

А может, никаких правил вообще не существует.

Или, скорее, как только игроки выводят некие правила, мир задания гибко меняет их, специально подставляя людей.

Его не покидало чувство, что этот мир не слишком-то дружелюбен к игрокам.

Сделав несколько глубоких вдохов, Синь Синь повернулся и направился к двери.

Тело Тянь Мина лежало в подсобке за декорациями на первом этаже. Дверь была плотно закрыта, но за несколько дней запах разложения всё равно просочился наружу. Синь Синь, проходя мимо, остановился.

Сломанная дверь декорации была приоткрыта.

Синь Синь сложил ладони вместе и с благоговейным видом уставился в темноту.

Выходи же, мой маленький эльф... тьфу ты, мой бэби!

К сожалению, Тянь Мин не услышал его искренних мысленных призывов.

На самом деле, еще когда Тянь Мин исчез в прошлый раз, Синь Синь смутно почувствовал, что до конца задания тот больше не появится.

Та злоба и обида, что исходили от Тянь Мина, к самому концу полностью развеялись. Синь Синю даже казалось, что он говорит не с мёртвым Тянь Мином, а с живым.

В тот миг Синь Синь понял, что Тянь Мин больше не «призрак». По крайней мере, не тот «призрак» из мира задания, что причиняет вред людям. А значит, было predetermined, что он больше не появится... ведь это мир заданий так просто не позволяет игрокам получать

помощь от «призраков». Он требует, чтобы они рисковали жизнью, выменивая подсказки.

Синь Синь поклонился двери.

Он надеялся, что они останутся живы и смогут встретиться с Тянь Мином, когда будут сдавать задание.

Вдруг за его спиной разорвался оглушительный гром. Вспышка молнии разрезала тьму, и Синь Синь впервые на этом острове увидел свою тень — длинную, скошенную и, что странно, совершенно неподвижную.

Сложив ладони, он обернулся.

Гроза, копившая силы целый день, наконец разразилась ливнем. За окном на пляже от бешеных порывов ветра качались деревья. Он постоял, вглядываясь в темноту, затем медленно опустил руки и шагнул ближе. Его нос почти коснулся панорамного окна. Бешеные, словно пули, капли дождя яростно барабанили по стеклу. Он широко раскрыл глаза, вглядываясь в ночной мрак.

«Бум-м!»

Очередной раскат грома.

Одновременно с оглушительным шлепком тёмная фигура, рванувшая из дождевой ночи прямо на него, заставила щёки Синь Синя судорожно свестись. Его зрачки сузились, он даже не успел отреагировать и отскочить.

Раздался ещё один шлепок, словно в крошечной тьме чья-то безжалостная и жестокая рука оторвала эту черную массу от окна и швырнула её в небо, где клубились грозовые тучи...

Вспышка очередной молнии выхватила из мрака то, что только что ударилось о стекло. Теперь Синь Синь наконец разглядел, что в воздухе, подхваченная ветром, трепетала пропитанная кровью простыня.

И тут его озарило. Он убрал руки от лица и рванул в ту сторону, куда вела его память. Остановившись у окна, он приник к стеклу и остолбенел.

Небо рассекали новые разряды молний, на мгновение обращая ночь в день. В бассейне не было трупа У Хуая. Кровь, скопившаяся на дне, яростно размывалась ливнем, устремляясь в сток. Но что-то было не так: кровавые подтёки каким-то образом добрались до самого края бассейна...

Взгляд Синь Синя, словно парализованный, упёрся в оконное стекло.

По нему, смешиваясь с дождевыми потоками, медленно извиваясь, текла вниз алая струя.

<http://bllate.org/book/12899/1735516>